

Легенды остаются, даже уходя

Ирина Муравьева

Его называют золотым голосом планеты. В самом его имени словно светится солнечный луч. И, может быть, поэтому все, что исходит от Лучано Паваротти, источает тепло и какую-то сияющую радость.

Лучано действительно лучезарен. Он способен гармонизировать не только пением, но и просто своим присутствием. Когда на пресс-конференции атмосфера полторачасового ожидания и хамства организаторов накалилась до предела, ему достаточно было войти и лучезарно улыбнуться, и вся агрессия происходящего ментально исчезла. Двадцать минут коротких и обаятельных ответов на простые, светские вопросы. Мало — об опере. Лучано теперь предстоит стать чисто светской персоной. Потому что через сезон он планирует расстаться с оперой навсегда.

Концерт Паваротти «Чао, Москва!», прошедший в Государственном Кремлевском дворце в рамках его прощального мирового турне, почти «дословно» повторил его летнее выступление в Доме музыки. Лучано не фантазировал новую программу, а пел те же, что и в прошлый раз, прославившие его арии Беллини и Доницетти, дуэты с сопрано из опер Пуччини и Масканьи и, конечно же, неаполитанские песни. Этим концертом он во второй и уже теперь в последний раз прощался с российской столицей.

В Москве Лучано любили всегда, как и во всем мире. Он — не просто легенда, а уходящий персонаж прекрасной эпохи великих теноров. Их теперь из троих останется двое — Каррерас и Доминго. Лучано считает, что уходить надо вовремя. В Москве он снова поет в микрофон. И когда появляется на сцене из прорези занавеса со своим неповторимым обликом боль-

шого и славного дядюшки, когда медленно, с усилием передвигается, опираясь на плечи дирижера, когда верный его концертмейстер Леон Маджиера три раза играет ему вступление к арии, ощущаешь вдруг с какой-то мгновенной ностальгией, что время действительно быстротечно и победить его нельзя.

Лучано теперь трудно играть в спектаклях: у него проблемы с суставами. Хотя он намерен спеть еще несколько спектаклей «Тоска» в оперных театрах мира. Но именно сейчас, когда видишь, как он сидит на сцене без движения на высоком стульчике или крепко опирается о крышку рояля, вдруг чувствуешь, что голос его звучит, будто отделившись от тела. Звучит сам по себе. Это голос, полный красок и движения, полный жизни. Голос любви, который озвучивал самых прекрасных любовников мировой оперы. Сопрано Симона Тодаро, принимавшая участие в концерте, могла бы подтвердить, как прекрасно с ним петь любовные дуэты.

Сейчас в его голосе, конечно, больше задушевности, чем страсти. Но в неаполитанских песнях Лучано зажегся молодым огнем. Любимые всеми Granada, O Sole mio звучали с таким темпераментом, что, казалось, Паваротти тесно среди нот. Его голос захлестывал знаменитые мелодии, как прибой. А на финал Лучано придержал свой коронный трюк — предложил ликующему залу спеть вместе с ним «Застольную песню» из «Травиаты». И когда восторженная публика, не веря своему счастью, подпевала Паваротти, то ему, теперь уже мудрецу, познавшему всемирную славу и успех, было просто приятно видеть улыбки и радость на лицах людей. Так Лучано простился с Москвой: «Чао, Москва!» — «Чао, Лучано!» Он улетел, но солнечный голос его будет звучать всегда. Ведь он — легенда. А легенда вечна.

Россиа. — 2003. — 26 дек. — с. 7

21